

намечены главные его темы, и, конечно, предисловие. Совершенно особое введение-предисловие предваряет полемическую заостренную статью «Семь смиренных», написанную в ответ на публикацию сборника «Всехи». Отделенное от текста как предисловие, оно содержит в сжатом виде концепцию автора. Здесь есть и оправдания — «тяжело говорить горькую правду о близких людях», и цель — «я все-таки решаюсь говорить... потому что дело идет о слишком важном, чтобы не забыть все личное», и вывод — «пусть... не думают, что этими словами я золочу пильюлю:... пильюлю не позолотишь ничем; но горечь ее может быть спасительным лекарством» [11]. Подобное по характеру предисловие предпослано и статье «Пророк русской революции», писавшейся по просьбе А. Г. Достоевской к юбилейному собранию сочинений Достоевского. Однако высказанные в ней взгляды и мнения Мережковского были настолько «небесными», что от автора потребовались объяснения в объемном предисловии к статье и в письме к жене писателя (15/28 сентября 1906 г.), и в отдельном обращении к читателям: «Взгляды на самые заветные верования Ф. М. Достоевского — самодержавие, православие, народность — так не совпадают с установившимся в русском общественном мнении пониманием произведений этого писателя, что я... согласился, что, может быть подобной статье не место в классическом юбилейном издании,— писал Мережковский А. Г. Достоевской в „Письме для напечатания“.— Но ни изменить этот взгляд, ни даже высказать его в более умеренной форме я не в силах...» [12, с. 32].

Разрушение границ жанра предисловия и использование в его функции авторских введений характерно для писательской практики конца XIX — начала XX в. Нередко трудно определить, что перед нами — предисловие или введение. Когда автор предваряет произведение одновременно и предисловием, и введением, как Салтыков-Щедрин в «Господах ташкентцах», да еще и называет их, сомнений нет. А если некая вводная часть не названа или названа «не своим именем»? «Предисловие Заратустры», предваряющее философское сочинение Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», разумеется, вовсе не предисловие, а часть самой книги, смысл которой может быть понят не только из сказанного, но и с учетом стиля и формы изложения, существенных для раскрытия содержания. Зощенко, выпускавший в свет «Голубую книгу», предполагал ей письмо Горькому, в котором благодарит за подаренную ему идею написать сатирическую историю человеческой жизни, а затем — «Предисловие», в котором знакомит читателя с особенностями своего замысла. По существу письмо Горькому и есть своего рода предисловие, а вот следующий за ним раздел «Предисловие», скорее, является частью текста, связан с ним интонационно и по стилю, становится началом авторского изложения. Творчество Салтыкова-Щедрина дает и пример введения, подобного по функции предисловию Свифта. «Введение» к «Пошегонской старине» написано от имени Никанора Затрапезного, а автор в подстрочном примечании просит читателя «не смешивать» его личность «с личностью Затрапезного, от имени которого ведется рассказ» [13, с. 5].

Обратим внимание на существенную деталь: предисловие в традиционном смысле — это часть книги, а введение — часть текста. Введения свойственны в большей степени сборникам очерков, заметок, дневникам и воспоминаниям. Очевидно, следует различать собственно введение — примеров им немало как в художественной литературе, так и в разного рода исследованиях, рецензиях и т. д. — и введение с элементами предисловия или выполняющие его роль. Таково введение к роману-воспоминанию А. Маринсгофа «Мой век, мои друзья и подруги». Представляя свою книгу читателю, автор замечает, что в его «тетрадях все верно в „духе“». Я бы даже сказал — все точно... Суть, смысл диалогов сохранились в неприкосновенности, и здесь же размышляет о свойствах человеческой памяти, неспособной сохранить «фразы и слова, порой сказанные полстолетия тому назад» [14, с. 22].

Подобные «введения-предисловия» были свойственны Гиппиус, предсыпавшей, с одной стороны, например, статье «Мой лунный друг. О Блоке» вполне

